

РАЗДЕЛ II. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

ББК 83.3
УДК 82-144

А. В. Петров¹

*доктор филологических наук, профессор,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова,
alexpetrov72@mail.ru*

М. Н. Ганиева²

*магистрант I курса,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова,
bedokurova160589@mail.ru*

ДВА «ПАВЛА»

В статье в сравнительном аспекте впервые в отечественной науке рассматриваются два стихотворения об императоре Павле I, написанные в начале советской эпохи Н. Я. Агнивцевым и П. Г. Антокольским. Предметом изучения стал художественный историзм двух поэтов, его формы и способы выражения в поэтическом тексте. Стихотворения, которые являются частью более крупных составных текстовых образований – книги стихов и цикла, отражают стремление двух авторов подвести итоги российской истории, осмыслить свойственный ей катастрофизм, осознать своё место в ней и своё отношение к России ушедшей (царской) и к России настоящей (советской). Агнивцев, известный в дореволюционном Петербурге поэт, и мыслями, и сердцем остается в прошлом – в России дореволюционной. Соответственно ему ближе оказывается такая форма историзма, как ретроспективизм, и такое «историческое чувство», как ностальгия. Москвич Антокольский симпатизировал революционным идеям еще с 1900-х гг., и его оценка

¹ Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Ганиева Марина Николаевна, магистрант I курса, кафедра языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

царского режима, в частности правления императора Павла и его личности, была более суровой и жесткой. Он активно использует сатиру и гротеск, а его историческое сознание нацелено на разрыв с прошлым и устремлено в будущее; его историзм предвосхищает прогрессистскую концепцию историзма советской литературы. Художественный историзм нашел у поэтов интересное стиховое выражение. Оба произведения относятся к повествовательной лирике, связаны с жанром баллады. При этом Агнивцев «эксплуатирует» традиционный «некрасовский» 3-стопный анапест с привычными для того сатирическими, бытовыми и народными тематическими тенденциями. Антокольский обращается к редкому сверхдлинному размеру – 8-стопному хорю, пытается, по-видимому, использовать его семантику. Она связана, с одной стороны, с переводом «Ворона» Э. По, сделанным К. Бальмонтом, т. е. с романтической мистикой; с другой – с древним эпосом, «индоевропейской строкой» (Вл. Пяст), т. е. с давно прошедшим историческим временем. Сближает двух поэтов такой прием – проявление художественного историзма, как «театрализация истории».

Ключевые слова: император Павел I, Н. Я. Агнивцев, П. Г. Антокольский, компаративистика, историческая тема, историзм, ретроспективизм, русская поэзия Серебряного века, театрализация, семантика стихотворного размера

Введение

Практически одновременно два русских поэта обратили свои взоры в прошлое недавно рухнувшей Российской империи, и начали оба с XVIII века. *Павел Григорьевич Антокольский* (1896–1978) создавал цикл «Кубок Большого Орла» с 1917 по 1927 г.; *Николай Яковлевич Агнивцев* (1888–1932) писал книгу стихов «Блистательный Санкт-Петербург» в 1921–1923 г. Оба поэта отдельные стихотворения посвятили императорам Петру I и Павлу I. В данной статье мы рассмотрим в сравнительном аспекте стихотворения «Павел Первый» (1917) Антокольского и «Павел I-ый» (1921) Агнивцева, в минимальной степени затрагивая те контексты и метатексты, в которые они входят. Нас будут интересовать общая концепция произведений и художественные средства воссоздания прошлого двумя авторами. Такое сужение предмета исследования позволит проработать детали и отработать методику анализа художественного историзма и сравнительного анализа стихотворений на историческую тему.

Следует отметить, что Агнивцев не знал стихотворения Антокольского, которое было опубликовано в 1922 г. Хотя разница

в возрасте между двумя поэтами была всего в восемь лет, на тот момент она имела существенное значение. Антокольский только входил в большую литературу; стихотворения из «Кубка Большого Орла» были для него буквально первыми и составили его первый сборник стихов 1922 г. Агнивцев к тому времени выпустил уже три стихотворных сборника и являлся известной фигурой в столичных журналах и в дореволюционной петербургской богемной среде [6, 10–20]. Значимой оказалась и «прописка» двух авторов: Антокольский был московским поэтом (хотя родился в Петербурге), Агнивцев – петербургским (хотя родился в Москве). Отношение к «петербургскому периоду» русской истории, следовательно, было у них разным.

Основная часть. Теоретическая основа

В одноименных, по сути, стихотворениях оба поэта выбирают один и тот же сюжет – восшествие Павла I на престол и его убийство заговорщиками под предводительством графа П. А Палена. То есть фактически перед нами спрессованная до трех десятков строк история павловского царствования и одновременно субъективная его оценка. И что примечательно: создана эта версия фатально завершившейся «истории» одного из представителей династии Романовых писателями, которые сами были свидетелями целого ряда катастрофических событий в жизни России 1900–1920-х гг. Думается, что интерес двух современников к историческому прошлому во многом был продиктован едиными для них, в какой-то момент совпавшими установками: желанием подвести итоги жизни страны; определиться со своим отношением к рухнувшему строю и к новой реальности; найти художественный язык для выражения своих «исторических чувств». Для такого рода обобщений требуется особое качество мышления, которое традиционно в нашей науке обозначается термином «историзм» (см., например [4]; [5]; [8]; [9]; [11]; [13]; [15]).

Историзм мы понимаем прежде всего как гносеологический принцип, который был осознан европейскими мыслителями на рубеже XVIII–XIX вв. и по-прежнему остается востребованным в мировом научном сообществе. Этот принцип предполагает, что всё в мире, в том числе сам субъект познания – человек, должно рассматриваться в развитии или, точнее, в «становлении». Последнее слово-термин, принятое в немецкой философии, удачно изымает из «историзма» идею прогресса, которая долгое время, в советской науке, определяла все концепции историзма (см., например [5]; [13]), но которая, на наш взгляд, фундирует лишь несколько его форм. Сам историзм прошел в своем становлении ряд фазисов, содержательно весьма отличных друг от друга.

Что касается писателей, которые тоже, конечно, познают окружающий их мир, то в их творчестве, в отличие от творчества научного, принцип историзма (исторического познания) находит опосредованное выражение – в поэтике произведения, в различных аспектах его формы и содержания. Эта опосредованная форма выражения историзма в искусстве получила определение «художественный». В скрытой форме оно содержит негласное «разрешение» писателям выражать свои «исторические чувства», оценочные суждения, симпатии и антипатии – всё то, что научному дискурсу противопоказано.

Следует подчеркнуть, что формы и способы проявления художественного историзма могут сильно различаться у авторов одной эпохи и сближаться у авторов, живших в разное время. Факторов, влияющих на его специфику, великое множество, они всегда – в соответствии с самим принципом историзма – требуют индивидуализирующего подхода, особенно в искусстве XIX–XX вв., и только в самом первом приближении к теме можно говорить о том, что писатели, жившие в одном пространственно-временном континууме, обладали схожим историческим сознанием.

Несколько огрубляя, будем считать, что Антокольский и Агнивцев были писателями одного поколения, во всяком случае, их становление как поэтов пришлось на Серебряный век, что определило некоторые общие для них интересы, а также художнические пристрастия. Одно из самых сильных – к театру, хотя пути туда у них были различные. Эта страсть проявляется у обоих поэтов в давно замеченной критиками «театрализации» происходящего и в «театральности» – тем, сюжетов, героев, жанровых форм, приемов, самого авторского поведения. «Не только темы, но и образные средства его стихов очень часто диктовались театральными впечатлениями, – писал об Антокольском Л. Левин. – Это было одной из главных особенностей его поэзии, по которым ее привыкли узнавать» [7, 8]. Е. Куферштейн объяснял тяготение Агнивцева к театру психологически – тем, что «именно здесь более всего преодолевалось мучительное раздвоение его души на маску насмешки и скрытое за ней грустное человеческое лицо» [6, 22]. Своеобразная «театральная поэтика» заметна и в стихах двух поэтов на исторические темы, в частности о правлении Павла I.

Павел I как образ-миф

Фигура императора Павла I неоднократно становилась предметом интереса писателей, мемуаристов, ученых. Способы мифологизации Павла I в художественном и историческом сознании выявлены,

в частности, в недавней коллективной монографии магнитогорских исследователей [4]. Историческим мифом, к созданию которого в особенности тяготеют писатели и художники, можно считать и содержание произведений Антокольского и Агнивцева – их видение царствования и фигуры Павла I.

Оба поэта стремятся представить павловское правление как целостный образ, как один из исторических «актов» на «сцене» русской истории. Особенно это заметно у Антокольского, которому в ранних стихах всё окружающее представлялось «гигантским “Театром Мирового Сраженья”, на подмостках которого разворачивается грандиозное историческое действо» [7, 10]:

Мчится время, облетая многоверстное пространство.
Ждут заморские державы смутно чаемой грозы.
Глухо мается крестьянство. Между тем уже дворянство
Разбирает по казармам грозной азбуки азы [2, 61].

Эта строфа, в принципе, может быть отнесена едва ли не к любому царствованию XVIII–XIX вв. в России, в том числе и последнего российского императора, которому Антокольский посвятил в своем цикле отдельное стихотворение.

Агнивцев в этом смысле более «локален», хотя и у него местом действия драматической феерии (у Антокольского скорее фарса или трагикомедии) является вся Россия:

И, Судьбою в порфиру укутанный,
Быстрым маршем в века зашагал,
Подгоняя Россию шпицрутеном,
Коронованный Богом капрал [1, 23].

Этот «акт» русской истории – царствование 1796–1801 гг. – приобретает у Агнивцева отчетливо мистериальный характер (см. [10]). Поэт вводит в стихотворение весьма зловещие образы-персонификации – Смерть, Безумье и Судьбу. Именно они, т. е. Высшие Силы, возвели Павла на трон:

*Смерть с Безумьем устроили складчину!*¹
И, сменив на порфиру камзол,
В Петербург прискакавши из Гатчины,
Павел 1-ый взошел на престол [1, 23].

У Антокольского есть лишь намёки на иррациональность исторического процесса, и связана она прежде всего с природными

¹ Курсив здесь и далее наш. – А. П., М. Г.

стихиями, с зимой как неким мистическим временем года, а также с феноменом «страшного», «призрачного» Петербурга:

Величаемый вседневно, прокливаемый всенощно,
С гайдуком, со звоном, с гиком мчится в *страшный*
Петербург,
По мостам, *по льду речному* мчится, немощный
и мощный,
И трубит хмельной фельдъегерь в *крутень пустозвонных*
пург.

Самодержец всероссийский! Как же так, какой державе
Сей *привиделся* курносый и картавый самодур?
Или *скифские метели*, как им приказал Державин,
Для него оберегали трон богоподобных дур? [2, 60]

Ср. также в последней строке стихотворения:

Солнце мартовское скупо освещает *снег России* [2, 61].

Метафора «снег России» не очень удачна и не до конца понятна; возможно, она означает, что начало неким изменениям в политической жизни России положено («солнце освещает»), но «снег» (самодержавная власть? несвобода?) не тает. Полагаем, что Антокольский развивает здесь символическую взаимосвязь, существующую в русской поэзии между такими мотивами и образами, как:

1) *Россия как северная страна* («Север» в стихах Державина и многих других авторов вплоть до Есенина, например).

2) *Зима как иносказание Смерти* (см. «зимние» стихи русских поэтов с учетом архаических мифопоэтических воззрений).

3) *Самодержавная Россия как царство вечного холода, мрака, смерти – «ад»* (ср. «14-ое декабря» Ф. И. Тютчева; «Русские женщины» Н. А. Некрасова; «12» А. А. Блока).

Но если описание начала павловского царствования имеет у Антокольского и Агнивцева ряд общих черт, то итоги правления, а также причины царевубийства поданы поэтами по-разному.

Антокольский в объяснении этих вопросов эклектичен и противоречив:

1) Заговор – это некое возмездие императору: «Наступает час расплаты», однако не совсем понятно – «расплаты» за что. За то, что «самодур» (2-я строфа)? Но его предшественницы вообще были «богоподобными дурами».

2) Строка из 3-й строфы «Он не по сердцу России, Петербургу не к лицу» вводит в политическую историю этические и эстетические,

а значит, вкусовые моменты, которые ничего не объясняют, однако выражают «исторические чувства» поэта.

Образ Павла I вообще подвергается в стихах Антокольского гротескному снижению: он «курносый и картавый»; его «фигурка неказистая маячит»; голос у него «каркающий»; он труслив; когда в его комнату «вламываются гвардейцы», он «хнычет, милости канючит» и т. д. Поэт собирает все клише из антипавловских мемуаров (см. [4]), которые вскоре войдут в советские учебники по истории. С позиций «поэтики театральности» Павел I в стихах 1917 г. – это паяц, лубочный персонаж, и потому его не жалко. Натуралистические подробности убийства, введенные Антокольским, и нарочито сниженная лексика «играют» против героя, должны вызвать отвращение к нему у читателя:

Столбенеет самодержец, очи мертвенные *пучит*,
Хнычет, милости *канючит*, прячет мертвенный смешок.
Но на шею шарф закручен, он его дышать *отучит*.
Выптрошен Павел Первый, брошен на пол, *как мешок*.

И отпетый, будто вправду помер от апоплексии,
Вылупляет очи слепо из-под вывернутых век [2, 61].

Заметим, насколько диссонирует архаизм «очи» с грубо просторечными «пучит» и «вылупляет»; какой бы эффект ни преследовал молодой поэт, вкуса у него здесь не хватило.

У Агнивцева всякий натурализм напрочь отсутствует, наоборот, он использует прямо противоположный прием – «интимизацию»: автор-наблюдатель как бы находится среди членов семьи Павла Петровича, описывая не «политическую сцену» убийства монарха, но «семейную сцену» – реакцию на произошедшее детей, жены и самого главного заговорщика:

Отчего так бледны щеки девичьи
Рано вставших Великих Княжон?
Отчего тонкий рот Цесаревича
Дрожью странною так искривлен?

Отчего тяжко так опечалена
Государыня в утренний час?
И с лица побледневшего Палена
Не отводит испуганных глаз?! [1, 23]
И читатель понимает, что совершилось преступление...

Агнивцев избегает прямых оценок самодержца и его царствования, используя лишь парадоксальный образ «коронованного

Богом капрала». У Антокольского тоже есть двойственные характеристики императора Павла, но опять-таки они «работают» на снижение его образа: «величаемый вседневно, проклинаемый всенощно», «немогущий и могущий», «он огонь очами мечет, он трусливо очи прячет». У Агнивцева же парадокс становится художественно действенным и выразительным средством, переводящим произведение, его смысл в историсофскую плоскость. На уровне лексическом и синтаксическом это достигается вполне традиционными повтором и параллелизмом в 3-й и в заключительной строфах:

Смерть шепнула Безумью встревоженно:

«Посмотри: видишь *гроб золотой?*

В нем Россия Монархом положена,

Со святыми Ее упокой!..»

<...>

Во дворце не все свечи потушены!

Три свечи светят в *гроб золотой:*

В нем лежит Император задушенный!

Со святыми Его упокой! [1, 23]

По капризу Высших Сил Павел I получил власть и стал палачом собственной страны. Но и Россия, и сам император заслуживают молитвы об упокоении: «*Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.*» В этой молитве молящийся просит Бога упокоить душу умершего в раю – там же, где пребывают души святых. На уровне «исторических чувств» и ассоциаций здесь можно услышать «панихиду», которой поэт «отпевает» ушедшую в небытие царскую Россию. Там, где у Антокольского – плоский сарказм («*И отпетый, будто вправду помер от апоплексии*»), у Агнивцева – христианское смирение и прощение.

Оценка заговорщиков дана у Агнивцева косвенно, тонкими деталями («побледневшее лицо» графа Палена и искривленный странною дрожью «тонкий рот» наследника престола). Антокольскому (напомним: начинающему поэту) хватило здесь все-таки чувства меры, чтобы не героизировать заговорщиков; возможно также, что он не смог определиться в отношении к ним.

В завершение статьи остановимся на стихотворных размерах, которыми написаны стихотворения, ибо в них не менее наглядно, нежели в поэтике или в идейном содержании, проявилась специфика художественного историзма двух поэтов.

Стихи Антокольского (семь четверостиший АБАБ) написаны редким сверхдлинным размером – 8-стопным хореем с цезурой после

4-й стопы и с отдельными внутренними рифмами. В русской поэзии XVIII–XIX вв. этот размер практически не использовался и, видимо, пришел в нее из поэзии американской – из поэмы Э. По «Ворон» (1845), перевод которой размером оригинала был сделан в 1894 г. К. Бальмонтом [3, 219; 12, 220, 230].

Поэт-символист, стиховед, критик В. А. Пяст считал 8-стопный хорей, точнее «индоевропейский шестнадцатисложник», «прародителем» большинства средневековых и более поздних размеров европейской поэзии [14, 134]. В 1830-е гг. «индоевропейскую строку» «подобрал» Э. По [14, 138]. В начале 1900-х Бальмонт и вслед за ним Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, В. Брюсов изредка стали использовать 8-стопный хорей в своих оригинальных стихах. Позднее Бальмонт перевел этим размером «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели; первый, неполный, его перевод вышел в 1917 г. в Москве. В 1930-е гг. фрагменты из поэмы Руставели переведет и Антокольский.

Итак, экзотичный и очень древний 8-стопный хорей, безусловно, был отмечен «памятью» о переводах «экзотических» же По и Руставели – мрачной мистической романтической поэмы и героического грузинского эпоса, причем в интерпретации поэта-символиста. «Павел Первый» не является ни тем, ни другим, и потому говорить о подражании или пародии не приходится. «Втиснуть» в новый для русской поэзии размер, имеющий к тому же устойчивые ассоциации с романтизмом и с вполне «романтическим» древним эпосом, – художественная задача, которая видится нам, с одной стороны, экспериментальной, с другой – историзирующей. По нашей гипотезе Антокольский подбирает для описания исторических событий – *завершившегося прошлого* – стих новый, необычный для русской версификации и, так сказать, «небалладный» (ибо баллада была главным малым лиро-эпическим историческим жанром в XIX в.), противопоставляя себя тем самым поэтической традиции. В то же время 8-стопный хорей мог восприниматься им как «неоромантический» (Э. По!) размер, пригодный для «нового» эпоса или повествовательной лирики (испанский романс, Руставели!). Так, по нашему мнению, выразился в этом стихотворении художественный историзм на уровне идейно-версификационном.

Стихи Агнивцева (шесть четверостиший А'БА'б), напротив, написаны совершенно традиционным на тот момент и даже традиционалистским 3-стопным анапестом. Эта «традиционность» закрепилась в поэзии Некрасова, где оказалась связана с двумя тематическими тенденциями – народно-бытовой и сатирической [3, 180]. Где-то очень далеко в анапесте сквозит и традиция

романтической баллады [3, 127]. У Агнивцева находим некий «микст» этих тем и жанровых модусов – понемножку сатиры, быта и фантастики. Однако в контексте всего сборника «Блистательный Санкт-Петербург» в «Павле 1-ом» оказывается ощутимым некое новое, вызванное самой русской историей «историческое чувство» – *ностальгия* [10]. Чувство, полностью отсутствующее в одноименных стихах Антокольского, где очень много обличительного, публицистического пафоса.

Заключение

Оба поэта говорят в своих стихах о России, и Россия эта осталась в прошлом, однако сердце одного поэта, Агнивцева, тоже осталось в этой исчезнувшей стране; другой – Антокольский – устремлен в Россию будущую и об ушедшем не сожалеет.

Художественный историзм принимает у двух поэтов разные формы своего выражения. Применительно к стихам Агнивцева целесообразно говорить о *ретроспективизме*, проявившем себя в особенности в театральном искусстве Серебряного века (подробнее см. [11]) и в *театрализации* исторических событий; у Антокольского нарождается та форма историзма, которая возобладает в советской литературе и в основе которой лежит идея прогресса в ее упрощенном понимании – как *прогрессизма*.

Литература

1. Агнивцев Н. Блистательный Санкт-Петербург. Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1923. 59 с.
2. Антокольский П. Г. Стихотворения и поэмы. Ленинград: Советский писатель, 1982. 784 с.
3. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Строфика. Москва: Фортуна Лимитед, 2000. 352 с.
4. Драма Д. С. Мережковского «Павел I»: контексты, интертексты, метатексты: коллективная монография / Петров А. В., Цуркан В. В., Рудакова С. В., Абрамзон Т. Е., Зайцева Т. Б., Власкин А. П. / под ред. А. В. Петрова. Магнитогорск: ООО «ВГ Катран», 2017. 182 с.
5. Кормилов С. И. Художественный историзм как теоретическая проблема // Филологические науки. 1977. № 4. С. 17–25.
6. Куферштейн Е. Странник нечаянный. Книга о Николае Агнивцеве – поэте и драматурге. Санкт-Петербург: Библиотека Всемирного клуба петербуржцев, 1998. 166 с.
7. Левин Л. Чувство пути // Антокольский П. Г. Стихотворения и поэмы. Ленинград: Советский писатель, 1982. С. 5–48.

8. Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика: моногр. / под ред. Т. В. Федосеевой. Рязань: РязГУ, 2012. 492 с.

9. Петров А. В. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и «Пантеон российских авторов» Н. М. Карамзина // Русская литература. 2007. № 3. С. 61–76.

10. Петров А. В. «Увы, я всего только старый Державин!»: миф о XVIII веке в книге стихов «Блистательный Санкт-Петербург» Н. Я. Агнивцева // Поэтика Г. Р. Державина и литературные диалоги: коллективная монография / под ред. А. Н. Пашкурова, А. Ф. Галимуллиной. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 114–120.

11. Петров А. В., Скворцова М. Л. Забытая пьеса эпохи модерна о XVIII веке («В век Екатерины») В. П. Буренина и Ф. Е. Зарина // Русская литература. 2019. № 3. С. 154–171.

12. По Э. А. Ворон / изд. подгот. В. И. Чередниченко. Москва: Наука, 2009. 400 с.

13. Проблема историзма в русской советской литературе, 60-80-е гг.: [Сб. ст.] / Отв. ред. Н. М. Федь. Москва: Наука, 1986. 262 с.

14. Пяст Вл. Современное стиховедение. Ритмика. Ленинград: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. 378 с.

15. Рудакова С. В. Мифологическое, историческое, поэтическое в контексте «Алкивиада» Е. А. Боратынского // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 1. С. 7–14.

REFERENCES

1. Agnivitsev N. Blistatel'nyj Sankt-Peterburg [Brilliant St. Petersburg]. Berlin: Izd-vo I. P. Ladyzhnikova, 1923. 59 p.

2. Antokol'skij P. G. Stihotvorenija i pojemy [Verses and poems]. Leningrad: Sov. pisatel', 1982. 784 p.

3. Gasparov M. L. Oчерк istorii russkogo stiha. Metrika. Ritmika. Strofika [Sketch of history of the Russian verse]. Moscow: Fortuna Limited, 2000. 352 p.

4. Drama D. S. Merezhkovskogo «Pavel I»: konteksty, interteksty, metateksty: kollektivnaja monografija [Drama by D. S. Merezhkovsky «Paul I»: contexts, intertexts, metatexts: collective monograph] / Petrov A. V., Turkan V., Rudakova S. V., Abramzon T. E., Zaitseva T. B., Vlaskin A. П. / pod red. A. V. Petrova. Magnitogorsk: ООО «VG Katran», 2017. 182 p.

5. Kormilov S. I. Hudozhestvennyj istorizm kak teoreticheskaya problema [Art historicism as theoretical problem] // Filologicheskie nauki [Philological Sciences]. 1977. № 4. Pp. 17–25.

6. Kufershtein E. Strannik nechajannyj. Kniga o Nikolae Agnivitseve – poiete i dramaturge [Unintentional wanderer. The book about Nikolay Agnivitsev – the poet and the dramatist]. St. Petersburg: B-ka Vsemirnogo kluba peterburzhcev, 1998. 166 p.
7. Levin L. Chuvstvo puti [Feeling of a way] // Antokol'skij P. G. Stihotvorenija i pojemy [Verses and poems]. Leningrad: Sov. pisatel', 1982. Pp. 5–48.
8. Literatura ruskogo predromantizma: mirovozzrenie, jestetika, pojetika: monogr. [Literature of the Russian preromanticism] / pod red. T. V. Fedoseevoj. Ryazan: RjazGU, 2012. 492 p.
9. Petrov A. V. «Opyt istoricheskogo slovarja o rossijskih pisateljah» N. I. Novikova i «Panteon rossijskih avtorov» N. M. Karamzina [«Experience of the historical dictionary about the Russian writers» of N. I. Novikov and «Pantheon of the Russian authors» of N. M. Karamzin] // Russkaja literature [Russian literature]. 2007. № 3. Pp. 61–76.
10. Petrov A. V. «Uvy, ja vsego tol'ko staryj Derzhavin!»: mif o XVIII veke v knige stihov «Blistatel'nyj Sankt-Peterburg» N. Ja. Agnivitseva [«Alas, I am only old Derzhavin!»: the myth about the 18th century in the book of verses «Brilliant St. Petersburg» of N. Ya. Agnivitsev] // Pojetika G. R. Derzhavina I literaturnye dialogi: kollektivnaja monografija [G. R. Derzhavin's poetics and literary dialogues: collective monograph] / pod red. A. N. Pashkurova, A. F. Galimullin. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2017. Pp. 114–120.
11. Petrov A. V., Skvorcova M. L. Zabytaja p'esa jepohi moderna o XVIII veke («V vek Ekateriny» V. P. Burenina i F. E. Zarina) [The forgotten play of an era of a modernist style about the 18th century («In a century of Ekaterina» by V. P. Burenin and F. E. Zarin)] // Russkaja literature [Russian literature]. 2019. № 3. Pp. 154–171.
12. Poe E. A. Voron [Raven] / izd. podgot. V. I. Cherednichenko. Moscow: Nauka, 2009. 400 p.
13. Problema istorizma v ruskoj sovjetskoj literature, 60-80-e gg.: [Sb. st.] [Historicism problem in the Russian Soviet literature, the 60-80th] / Otv. red. N. M. Fed'. Moscow: Nauka, 1986. 262 p.
14. P'ast VI. Sovremennoe stihovedenie. Ritmika [Modern prosody. Rhythmics]. Leningrad: Izd-vo pisatelej v Leningrade, 1931. 378 p.
15. Rudakova S. V. Mifologicheskoe, istoricheskoe, pojeticheskoe v kontekste «Alkiviada» E. A. Boratynskogo [Mythological, historical, poetic in the context of E. A. Boratynsky's «Alkiviada»] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University journal]. 2012. T. 1. № 1. Pp. 7–14.

A. B. Петров, М. Н. Ганиева

THE TWO PAVELS

Aleksey V. Petrov

Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics and Literature,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Marina N. Ganieva

Student, Department of Philology
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

In the article two poems on the emperor Paul I written by N.Ya. Agnivitsev and P.G. Antokolsky are considered in comparative aspect. The art historicism of two poets, its forms and ways of expression in the poetic text became a subject of the study. The poems reflect the aspiration of two authors to sum up the results of the Russian history, to comprehend catastrophism peculiar to it, to realize the place in it. Agnivitsev remains in the past – in Russia pre-revolutionary. According to it closer to him there is such form of historicism as «retrospectivism», and such «historical feeling» as nostalgia. Antokolsky sympathized with the revolutionary ideas from 1900th, and his assessment of the czarist regime, in particular governments of the emperor Paul and his personality, was more severe and hard. He actively uses satire and grotesque, and his historical consciousness is aimed at a gap with the past and directed in the future; its historicism anticipates the progressivist concept of historicism of the Soviet literature. The art historicism of two poems found interesting verse expression. Both works belong to narrative lyrics, are connected with a ballad genre. At the same time Agnivitsev «operates» a traditional Nekrasov's three feet anapaest with satirical, household and folk thematic trends. Antokolsky addresses the rare superlong size – eight feet trochee, trying to use its semantics, apparently. It is connected, on the one hand, with the translation of E. Poe's «Raven» by K. Balmont, i. e. with romantic mysticism; on the other – with the ancient epos, «an Indo-European line» (Vl. Pyast), i. e. with long ago past. Such device – manifestation of art historicism, – as «staging of history» pulls together two poets.

Keywords: Emperor Paul I, N. Ya. Agnivitsev, P. G. Antokolsky, comparative studies, historicism, retro, historical theme, Russian poetry of the Silver Age, theatricality, semantics of a meter

Для цитирования: Петров А. В., Ганиева М. Н. Два «Павла» // Libri Magistri. 2020. № 2 (12). С. 124–136.

Поступила в редакцию 06.04.2020